

Е. С. КИРСАНОВА

ЛИЧНОСТЬ ИСТОРИКА НА ПЕРЕСЕЧЕНИИ МНЕНИЙ О СТАРЫХ И НОВЫХ ПОДХОДАХ К ИЗУЧЕНИЮ ТВОРЧЕСТВА Т. Н. ГРАНОВСКОГО

На основе анализа взглядов на творчество Т.Н. Грановского двух крупнейших представителей русского историзма Б.Н. Чичерина и В.И. Герье освещается вопрос о вкладе историка в развитие русской исторической науки, подчеркиваются некоторые характерные черты его историко-теоретических взглядов.

Ключевые слова: философия, историческая наука, естествознание, идеализм, религия, этика, историзм.

Процессы пересмотра и переосмысления всей панорамы развития исторической науки, идущие в современной российской историографии, содержат в себе как усвоение новых методов и подходов, сложившихся в западноевропейской исторической мысли, так и активизирующееся использование опыта отечественных предшественников. Ее важной чертой является, по мысли Б.Г. Могильницкого, «...осознание явственно проступающей за сполохами разрывов, коими было столь богато минувшее столетие, исторической преемственности»¹.

В результате наблюдающегося доминирования культурологического подхода исследовательское внимание все более фокусируется на человеке, его персональной истории, что привело к настоящему «биографическому буму» в современной историографии. При этом историческая биография, ориентированная на конкретного индивида, не ограничивается повествованием о его жизненном, но выступает как средство познания социокультурной реальности², личности, включенной в эту реальность, и в том числе личности ученого, являющегося единственным творцом идей, мыслей, методов, текстов, словом всего того, что составляет предмет исследования историка исторической науки. Отметим, что историческая биография при всех ее модификациях в творческом арсенале исследователя, остается именно исторической, создается на основании метода историзма с его требованием учета специфики времени, места протекания событий в жизни индивида, т.е. реализуем в самом распространенном среди исследователей варианте.

В условиях формирующегося нового образа исторической науки с неизбежным переписыванием истории, в том числе и самой науки, может происходить и происходит вольное или невольное нарушение

¹ Могильницкий. 2008. С.529.

² См.: Ретина. 2011. С. 289-290.

принципов историзма, что не способствует пониманию историографического процесса во всей его сложности и многообразии. Это, в частности, находит выражение в полном применении современной системы оценок деятельности ученого к трудам эпохи зарождения исторической науки в России и отчасти способствует занижению ее реальных достижений и вклада в отечественную интеллектуальную культуру.

Сказанное в полной мере относится к оценке творчества Тимофея Николаевича Грановского, которое оказалось в фокусе внимания исследователей в связи с юбилейными датами (в 2005 г. исполнилось 150 лет со дня смерти историка, в прошедшем 2013 г. отмечалось 200-летие со дня его рождения), когда наряду с признанием его заслуг перед отечественной исторической наукой прослеживается воспроизведение старой дилеммы: Грановский – самостоятельный мыслитель, ученый или талантливый педагог, просветитель, популяризатор уже сформулированных и высказанных ранее другими мыслителями идей³. Эта дилемма, сложившаяся едва ли не сразу же после смерти Грановского, опиралась на проявившееся еще при жизни историка неоднозначное отношение к его творчеству и общественной деятельности.

Поэтому, несмотря на значительное количество публикаций, посвященных исследованию творчества Т.Н. Грановского, нельзя не согласиться с мыслью Б.Н. Чичерина о том, что: «Даже при самом искреннем желании отдать ему должную справедливость, многое в нем остается непонятным...»⁴, и эта мысль остается актуальной и спустя более ста лет с момента ее высказывания. Эта непонятность, обозначившаяся уже в XIX столетии, проявляется не только в противоречивых оценках научного вклада Грановского, в факте признания или непризнания его самостоятельным ученым или только просветителем и талантливым популяризатором европейской исторической науки, а также и в оценке его историко-теоретических воззрений. И дело не в том, что противоречивой, мятущейся была личность историка. Напротив все, пишущие о нем отмечают гармоничность, уравновешенность его натуры. Дело, очевидно, в самих исследователях, в том, с какими целями и задачами они приступают к исследованию творчества Грановского.

Исследователи досоветского, советского и постсоветского времени практически единодушны в том, что представители разных научных направлений и общественно-политических лагерей старались доказать свою связь и преемственность с его идеями, «вычитывая» в его текстах,

³См. например: *Свешников*. 2006. С. 69-81; *Лантвева*. 2013. С. 47-60.

⁴ *Чичерин*. 1897. С. 2.

поступках то, что резонировало с их собственными представлениями об исторической науке, политическом развитии России, о роли и месте России в мире. Так, например, либералы видели в нем предтечу либерализма, демократически настроенные исследователи, а затем и советские историки, подчеркивали в творчестве Грановского демократические и материалистические тенденции, что нашло выражение в сформировавшейся устойчивой, сохранившейся до настоящего времени, традиции видеть в творчестве Грановского конца 1840-х – начала 1850-х гг. «поворот» к позитивизму»⁵. Причем эти характеристики высказывались в то время, когда системного исследования творчества Т.Н. Грановского не было осуществлено, как, несмотря на ряд серьезных работ об отдельных сторонах его творчества, нет и поныне. К тому же осмысление «его вклада в теорию исторического процесса», является «едва ли не маргинальной» линией в изучении творчества Т.Н. Грановского⁶. Проблема «Грановский как ученый и педагог» в зависимости от того, как решают ее историки, неизбежно ставит и другую проблему «Кого и чему он научил?», и будучи решенной в отрицательном смысле вызывает вопросы уже о времени зарождения исторической науки в России, ее статусе, профессионализме историков первой половины XIX столетия и, наконец, вопрос о формировании традиций в русской исторической науке. Неслучайно по этому поводу в новейшей историографической литературе о Грановском обозначилась полемика⁷.

В этой связи, думается, стоит присмотреться еще к одному варианту интерпретации творческого и жизненного пути историка, который пока еще не являлся предметом исследовательского интереса, что и позволит посмотреть на его творчество под отличающимся от обозначенных выше подходов углом зрения.

Содержанием этих интерпретаций, предпринятых уже во второй половине XIX в. и в начале XX в., был анализ творчества Грановского, в котором идеализм историка и его интерес к жизни духа в истории народов и личности рассматривались не как то, что с необходимостью должно быть преодолено и преодолевалось в ходе прогрессивной эволюции взглядов историка к материалистическому мировоззрению, но как самостоятельная сознательная позиция, сложившаяся в процессе освоения им философии и истории, позиция, которую он отстаивал, в том числе и в полемике с друзьями, не разделявшими его взглядов.

⁵ См. например: *Виппер*. 1905. С. 186-187. *Гутнова, Асиновская*. 1986. С. 341-342; *Левандовский*. 1990.

⁶ *Мягков*. 2006. С. 35.

⁷ См.: *Иванова, Мягков*. 2013. С. 174-175.

В ходе этого анализа решалась и другая задача – «...опровергнуть *ложные суждения* (о Грановском. – Е.К.) прежде, чем они могли установиться...»⁸. Этот анализ содержится в работах учеников Грановского, считавших себя продолжателями традиций, заложенных учителем в науке и общественной деятельности. Речь будет идти прежде всего о Владимире Ивановиче Герье (1837–1919) и Борисе Николаевиче Чичерине (1828–1904), выдающихся представителях русского идеалистического историзма. Выводы, к которым эти исследователи приходят в своих оценках творчества Грановского, могут внести существенный вклад в продолжающийся «спор о Грановском».

Надо отметить, что каждый из них имел собственную историю общения с Грановским. Если В.И. Герье едва успел застать профессора на кафедре Московского университета, прослушав лишь несколько лекций, на основании чего современники скептически оценивали его заявления об ученичестве, то Б.Н. Чичерин, в поступлении которого в университет Грановский принимал самое деятельное участие (он давал частные уроки будущему студенту) – признанный и один из самых талантливых, по словам самого Грановского, его учеников, находился в длительных дружеских отношениях с ним. И Чичерин, и Герье посвятили свои первые значительные научные труды памяти учителя.

Обращение названных ученых к творчеству Грановского не исчерпывается юбилеями историка, но проходит как некая константа собственного жизненного пути каждого из них и их творчества. Чичерин, по признанию исследователей его творчества, вдохновлялся образом Грановского всю жизнь. Так, например, издавая свое главное философское произведение «Наука и религия» (1879), он находит нужным сделать посвящение А.В. Станкевичу, другу и автору биографии Грановского, изданной в 1869 г. «...во имя дорогих нам воспоминаний», таким образом, хотя бы и косвенно, в очередной раз отдавая дань памяти учителя. Герье откликается на эту биографию обстоятельной рецензией в том же 1869 г., где помимо высокой оценки этого произведения намечает контуры создания собственной биографии Грановского, что было реализовано ученым в 1914 г.

Анализируя творчество Грановского, оба исследователя опирались на собственные впечатления, на анализ текстов Грановского (диссертации историка, опубликованные к тому времени курсы его лекций, переписка, историографические работы) и на исследования о нем, с авторами которых они то солидаризировались, то (чаще) полемизировали.

⁸ Герье. 1869. С. 425.

Таким образом, начинает оформляться академическая традиция в осмыслении творчества Грановского.

Работая в разных жанрах (Герье создает интеллектуальную биографию Грановского, Чичерин пишет статью о его философско-исторических воззрениях, говорит о нем в мемуарах), они, по существу, едины в стремлении, выражаясь словами Чичерина, «...восстановить истинное его значение... как мыслителя и научного деятеля»⁹. Обращает на себя внимание определенный параллелизм в оценках и выводах, к которым приходят эти исследователи, что не отменяет ни самостоятельности, ни своеобразия исследовательской манеры каждого из них. Философский очерк Чичерина и историческое исследование Герье, дополняя друг друга, способствуют возникновению целостного образа ученого, педагога и общественного деятеля в глазах читателя.

Стоит подчеркнуть, что важным условием «восстановления» истинного значения Грановского является, по мнению и Чичерина, и Герье, необходимость обращения к социокультурному контексту как своего времени, так и времени, в которое жил и творил Грановский. Для понимания же эпохи 1840-х гг. важным является как наличие философского образования у исследователя, которого у многих из тех, кто говорил и писал о Грановском в конце века, учитывая упадок философии в России в это время, не было, так и учет той необыкновенной роли философии, которую она играла в интеллектуальной культуре 1840-х гг. Это обстоятельство подмечает Б.Н. Чичерин, откликаясь на работу Ветринского о Грановском, и видит в нем главный недостаток его работы – автор не проявил философского образования, а без него, «нет возможности правильно оценить ту умственную атмосферу, из которой вышел Грановский, и которая наложила печать на всю его деятельность»¹⁰.

Убеждение в тесной связи между философией и историей было характерно для 1840-х гг.: «Гегель кружил всем головы», – вспоминал С.М. Соловьев¹¹, и Грановский, как он сам признавался в письме к другу, чувствовал «необходимость философии». Как отмечает Чичерин, именно «...серьезное изучение философии дало ему ту ширину мысли, ту возвышенность взглядов, без которых нет истинного понимания истории». Только человек, продолжает он, «получивший серьезное философское образование, способен оценить идеи, руководящие историческим развитием человечества, постигнуть их преемственность и связь, а

⁹ Чичерин. 1897. С. 2.

¹⁰ Там же. С. 3.

¹¹ Соловьев. С. 268.

равно их значение для общественной жизни. Самое понятие о развитии только при этом свете получает свой истинный смысл. История перестает быть случайной игрой событий или фаталистическим произведением механических сил; она становится раскрытием человеческого духа во всей его многосторонности и глубине»¹². Кроме того философское образование спасало Грановского от чрезмерного увлечения какой-то одной из философских доктрин, «от односторонности» и сообщало его взглядам критичность и самостоятельность в суждениях о событиях интеллектуальной и общественной жизни, «мой скептицизм», как называл эту черту сам Грановский, отмечаемую и его друзьями.

Герье, солидаризируясь с идеями, высказанными Чичериным, утверждает: «Интерес Грановского к философской стороне своего предмета сохранялся у него до конца жизни и выражался в общих введениях, которые он обычно предпосылал каждому курсу». Ему особенно запомнилась одна лекция (и это была последняя в жизни Грановского лекция, подчеркивает он), «которая заключала в себе необыкновенно живую прочувствованную характеристику Гердера <...>. Так объяснить значение Гердера могла только родственная ему натура»¹³.

Но, подчеркивает Герье, от философии истории как независимой от истории области знания, и от ее метода логических умозаключений, сложившихся без учета реальных исторических событий и навязываемых исторической науке, Грановский решительно отказывается. Здесь надо подчеркнуть, что отталкиваясь от этого факта отказа от философии истории, о чем Грановский заявляет в университетской речи «О современном состоянии и значении всеобщей истории» (1852), историографы видят решительный поворот к позитивизму. Однако Герье так не считал. Он, констатируя эволюцию во взглядах историка, анализируя тексты Грановского, выявляет «философскую подоплеку» в его работах и приходит к выводу, что Грановский, не отказывается ни от философии, ни от философии истории. Он отказывается от известных философий истории и выдвигает свою, главным содержанием которой является этика.

Оставаясь по Чичерину, «истинным историком, соединявшим философское образование с обширной ученостью», Грановский демонстрирует свою философию истории, которая «утрачивает... отвлеченный метафизический характер», приданный ей Гегелем, «и вступает в область этики, становится могущественным и влиятельным ее органом»¹⁴.

¹² Чичерин. 1897. С. 3.

¹³ Герье. 1869. С. 431.

¹⁴ Герье. 1914. С. 66.

В чем суть этой философски и исторически обоснованной этики, становится ясно из дальнейших рассуждений Герье. Грановский отказывается от того мнения, которого он прежде держался под влиянием Гегеля, что история никогда и никому не приносит практической пользы, что ни один народ не воспользовался ее уроками. «Я сам говорил то же <...>. А между тем всякий день современной истории доказывает могущество и влияние уроков истории. В этом теперь мое твердое убеждение», – говорил Грановский¹⁵, история раскрывает деятельность человеческого духа и дает нравственную силу, чего не могут сделать науки естественные и это делает ее великой наукой, а историк обязан быть глашатаем тех нравственных законов и уроков, которые открывает история.

Эта мысль, по убеждению Герье, «...становится, так сказать осью, около которой вращаются все мысли нашего историка – директивой, которую он дает своим слушателя...». Сказать, чтобы философия истории, развиваемая Грановским, этим самым вступала на совершенно новый путь, нельзя. Уже до Гегеля, у Гердера она шла по этому пути. Уже Гердер выставлял как цель истории человечества достижение им полной человечности (Humanität). Грановский сам сделался миссионером такой этики. Это «миссионерство» проявлялось у него иногда в поучениях, но чаще всего – в эмоциональных выступлениях, в его умении воздействовать на своих юных слушателей не только словом, но и своим примером и, наконец, в его общественной деятельности¹⁶.

Онтологическим основанием этики Грановского выступает его религиозность, которая исследователями либо игнорируется, либо ей не придают должного значения. Для Чичерина же и для Герье этот факт очень важен, так как, опираясь на него, они решительно отстаивают идеализм Грановского и неприятие им материализма.

По мнению Чичерина, Грановскому были свойственны «те глубочайшие стремления, которые связывают его с верховным источником всякой жизни и всякого блага»¹⁷. Именно это обстоятельство, как представляется, и сообщало ту «глубину и возвышенность», «гуманность» историческому мирозерцанию Грановского, о которых пишут его современники. Люди 1890-х гг. считали эти понятия «неопределенными», «расплывчатыми», «романтическими». Тем не менее, именно обладание этими качествами «...и делало его (Грановского. – Е.К.) способным быть историком, для которого первое условие состоит в сочувственном

¹⁵ Там же.

¹⁶ См. также: Чичерин. 1929. С. 41-45.

¹⁷ Чичерин. 1897. С. 6.

понимании всех сторон человеческого духа и в особенности тех, которые играют такую выдающуюся роль, как религия»¹⁸. Оба историка солидарны в том, что вопреки достаточно распространенному среди материалистически настроенной молодежи конца 1890-х годов мнению, религиозность Грановского была не проявлением его пассивности или результатом внешнего внушения, а потребностью его натуры.

Герье аргументирует эти рассуждения, приводя примеры из жизни Грановского, из его общения с близкими людьми. «Человек, который так глубоко верил в разумность мироздания и в силу духа, – пишет он, – не мог отрицать его там, где вера в него всего важнее для человека, в индивидуальном бытии»¹⁹. Герье напоминает известный и из воспоминаний А.И. Герцена спор о бессмертии души, спор, состоявшийся между ним и Грановским, в ходе которого Герцен заявил о непризнании бессмертия души, сославшись на точку зрения науки, выводы которой обязательны для всех. Дискуссия закончилась ссорой и явилась толчком к окончанию их дружбы с Грановским. Тогда «Грановский заявил, что лично бессмертие ему необходимо и просил никогда не говорить с ним об этом. Они поняли это как начало разрыва». Комментируя этот широко известный историографам факт, Герье считает, что он имеет гораздо большее значение для русской жизни, чем просто окончание «одной дружбы», а знаменует «собой новый раскол в русском обществе, раскол более глубокий, чем распря между “славянофилами” и “западниками”. Мы присутствуем при возникновении новых течений русской жизни в сторону – идеализма, который олицетворял собой Грановский, и материализма, которому отдался Герцен... (курсив Герье – Е.К.)»²⁰.

Кроме внутренней потребности вера в бессмертие поддерживалась у Грановского, по словам Герье, примером людей, которых он особенно уважал. «Для меня, – говорил Грановский А.В. Станкевичу, своему будущему биографу, – относительно подобных вопросов важны мнения замечательных людей. Для меня это отдельные огоньки, из которых в будущем загорятся новые верования для человечества. Я знаю, в настоящее время человечество будто успокоилось на счет подобных вопросов, но ведь это ничего не значит: оно успокаивалось уже не раз»²¹. Грановскому было не по душе резкое отрицание религии или глумление над религиозными убеждениями других. Это проявляется в его университетских курсах, распространяясь даже на отрицателей языческой религии.

¹⁸ Там же. С. 10.

¹⁹ Герье. 1869. С. 437.

²⁰ Герье. 1914. С. 50.

²¹ Там же. С. 42.

Рассуждения Герье и приводимые им важные для характеристики личности Грановского факты надо учитывать, исходя из той роли, которую, Герье отводил и философии, и религии в выработке исторического метода, находящегося, по его мнению, в тесной взаимосвязи с мировоззрением ученого. Взгляды Герье на значение философии и религии для историка, органически встроенные в его понимание природы исторической науки, ее специфики и значения личности исследователя в процессе исторического исследования, в частности, в ходе таких процедур, как понимание источника, интерпретация его, связаны с его убеждением в том, что истина в исторической науке имеет нравственные основания, и она может быть доступна только ученому, обладающему мировоззрением, проникнутым духом вневременных *нравственных ценностей*. Изучение философии и религии Герье считал самым надежным способом овладения этими ценностями²². Личная же религиозность, по его мнению, являясь основанием нравственности, не может быть помехой в высказывании новых идей, совершении открытий и в то же время способна удерживать исследователей от крайних выводов, могущих вытекать из их открытий; это может быть своеобразный религиозный такт, как, например, у Декарта, или трезвая практическая религиозность Ньютона. Поэтому и религиозность Грановского, выступая у него проявлением именно идеализма, не умаляла его достоинств как ученого.

Отношение Грановского к естественным наукам и понимание их роли в развитии науки исторической также вызывает противоречивые оценки исследователей, о чем уже шла речь выше. Они основываются на известной университетской речи Грановского «О современном состоянии и значении всеобщей истории» (1852). По мнению же Чичерина, Грановский относился и к естественным наукам с точки зрения историка. Целя достижения последних, он видел в них, прежде всего, вспомогательное средство для истории. И действительно, пишет Чичерин, изумительные успехи естествознания в новейшее время ровно ничего не дали для истории, что и неудивительно, так как к истории неприменимы ни математика, ни опытные изыскания. Самые методы и способы исследования тут совершенно иные, <...> область ее совершенно другая, ибо история есть царство духа, который носит в себе неведомые материалистически-механическому мирозерцанию мерила и цели. Чрезмерное же увлечение естественными науками может повредить историку, так как ведет к «материалистическому реализму», на почве которого «нет ни понимания истории, ни нравственных начал, ни даже признания челове-

²² См. об этом: *Кирсанова*. 2008. С. 293-298.

ческой свободы, которая отрицается во имя всеобщего детерминизма». Для Грановского же «свобода воли была неотъемлемой и неискоренимой принадлежностью человеческой души, а свобода воли составляет источник всякой свободы, на ней основываются все истинно человеческие отношения: внутренняя свобода составляет условие всякой нравственности»²³. Грановский видел в свободе первое и необходимое условие всякого разумного общежития и всякой науки, и всякого просвещения. Без ее признания, добавляет Чичерин, нет причины, «...почему бы с человеком не позволено было обращаться, как с вьючным скотом».

Следовательно, заключает Чичерин, Грановский не мог допустить подчинение истории чисто-механическим процессам, этому препятствовал его идеализм, человечность и либерализм.

Герье, рассматривая вопрос об отношении Грановского к естественным наукам и понимании их роли в развитии исторической науки, обращает внимание на то, что, говоря о необходимости для истории выхода на обширное поприще естественных наук, Грановский, «как будто для того, чтобы предостеречь свою аудиторию от неверного толкования этих слов, то есть от смешения истории с естественными науками, в этой же речи упрекает Монтескье за то, что он доводил «мысль о влиянии географических условий, климата... на судьбу народов до такой крайности, что принес ей в жертву самостоятельную деятельность духа»²⁴. «В этом все дело!», – торжествующе восклицает Герье. Грановский не отказывается от признания в истории «самостоятельной деятельности духа» и в этой связи формулирует свой взгляд на историю в следующих словах: «У истории две стороны: в одной является нам свободное творчество духа человеческого, в другой – независимые от него, данные природою условия его деятельности» С этой точки зрения он требовал для истории нового метода, который «должен возникнуть из внимательного изучения фактов мира духовного и природы в их взаимодействии»²⁵. Подчеркнем, что задача, которую поставил перед историками Грановский в 1852 г., решением которой занималось не одно поколение историков, не утратила своей актуальности и в настоящее время.

Продолжая рассуждения Чичерина о свободе и либерализме, Герье подчеркивает, что любовь к свободе не затемнила в глазах Грановского значения власти для целей общественной судьбы человека. Герье, который ко времени написания биографии Грановского пережил уже опыт

²³ См.: Чичерин. 1897. С. 8-12.

²⁴ Герье. 1914. С. 61.

²⁵ Там же: С. 61; Грановский. 1900. С. 26.

первой русской революции 1905 года, сопровождающее ее насилие, «самоограничение» русского самодержавия, зарождение политических партий в России и продолжающуюся борьбу партий, но уже за власть, по его убеждению, а не ради идеи свободы, считает необходимым обратить внимание на отношении Грановского к монархической идее, на понимание им идеи государства. Размышляя об этом, Герье опирается на докторскую диссертацию Грановского «Аббат Сугерий», мысли историка о монархии в его «Записке к учебнику всеобщей истории», письма. Таким образом, им маркируется позиция Грановского в понимании исторической роли монархии как результат серьезной работы, продуманная позиция, которой он руководствовался в своей преподавательской деятельности и высказывал ее в общении с учениками, а не как на некий дипломатический реверанс в сторону власти.

Вот на что обращает внимание Герье в первую очередь. Работа Грановского над диссертацией пришлась на то время, когда во Франции развернулась революция 1848 года, в ходе которой была предпринята попытка заменить вековую монархию республикой, а Грановский, работая в архивах монастыря св. Дионисия, изучал по древней хронике, как аббат этого монастыря, Сугерий, положил начало французской монархии и ее торжеству над феодальной анархией. Для Герье это совпадение представляется символическим, имевшим свои последствия, потому что спустя несколько лет при составлении программы учебника по всеобщей истории Грановский указывает на то, что *монархическая* (курсив Герье. — *Е.К.*) форма правления в историческом развитии оценена и объяснена неудовлетворительно. Причем, указывает Грановский, в этом отношении грешат как писатели либеральной школы, так и составители учебников, враждебных либерализму. В большей части из них, продолжает Грановский не видно живое и глубокое понимание монархического начала <...>. Монархическое начало лежит в основании всех великих явлений русской истории; <...> оно есть корень, из которого выросла наша государственная жизнь, наше политическое значение в Европе, и дело науки и преподавания показать, что русское самодержавие много отличается от тех форм, в которые монархическая идея облекалась в других странах». При этом надо заметить, что подчеркивается и своеобразие проявления монархического начала в истории России: «Между тем как развитие западных народов совершалось во многих отношениях не только независимо от монархического начала, но даже наперекор ему, у нас самодержавие наложило свою печать на все важные явления русской жизни...»²⁶.

²⁶ Грановский. 1900. С. 591.

Герье считает, что признание Грановским великой исторической роли монархии в России и глубоко верная характеристика ее, важные сами по себе, должны прояснить вопрос об отношении Грановского увлечению демократической пропагандой в его время. Герье акцентирует внимание на идеях, высказанных Грановским еще до революции 1848 г., в полемической статье (1847) против романтического культа массы со стороны славянофилов. Тогда Грановский писал: «Массы, как природа, бессмысленно жестоки, или бессмысленно добродушны. Они косятся под тяжестью исторических и естественных определений, от которых освобождается мыслью только отдельная личность. В этом разложении масс мыслью заключается процесс истории»²⁷. Задача истории, продолжает и выделяет цитату Герье, – нравственная, просвещенная, независимая от роковых определений *личность* и сообразное требованиям такой личности общество» (курсив Герье. – Е.К.). Таким образом, Герье подчеркивает, что, несмотря на сочувствие народу и желая его освобождения, Грановский был далек от его идеализации.

Историк не оставляет без внимания и вопрос о научном значении докторской диссертации Грановского: «В ней из груды фактов добывается творческая политическая мысль, обессмертившая Сугерия – государственное единство под управлением монарха вместо феодальной анархии». Следующая важная мысль, которую обосновывает Грановский в своем исследовании, заключается, по мнению Герье в том, что «королевская власть... выступает, как высшая общественная власть, призванная поддерживать в пользу всех и против всех справедливость и порядок, и дальше изображает эволюцию монархического, государственного начала в союзе с национальным. «Таким образом, у читателя воочию вырастает при Лудовике VI Капетингская монархия и с нею и в ней *образуется французская национальность* (курсив Герье. – Е.К.)»²⁸. Это исследование, заключает Герье в противовес недобросовестным критикам труда Грановского, не только важный вклад в современную ему науку – оно надолго сохранит свое классическое значение. Следует добавить, что и современному непредвзятому взгляду на это *первое* в отечественной медиевистике сочинение заметна и основательная источниковедческая база сочинения, серьезная критика источников, историографические работы, с авторами которых Грановский спорит, усматривая в качестве недостатков слабое использование ими источников и необоснованность выводов. Среди них и современные Грановскому французские историки

²⁷ Там же. С. 445.

²⁸ Герье. 1914. Р. 22-24.

Тьерри, Гизо, и историки XVII века. Так что, не нарушая принципов историзма, трудно не согласиться с выводом биографа Грановского об образцовости и значительности этого сочинения. Кроме того, немаловажным является и то обстоятельство, что создатели государственной школы в российской историографии К.Д. Кавелин, Б.Н. Чичерин, С.М. Соловьев были слушателями Грановского, общались с ним и вне студенческих аудиторий, входили в его близкое окружение, впитывали его идеи, обсуждали, как, например, Чичерин, свои научные планы и идеи.

Подведем итог сказанному. На основании анализа работ В.И. Герье и Б.Н.Чичерина, посвященных творчеству Т.Н. Грановского, можно говорить об одной из первых реконструкций философско-исторической концепции Грановского. В процессе этой реконструкции авторы обращают внимание, прежде всего, не на то, чего он не сделал («не успел», «не написал», недопонял», «не дорос», «не создал школу») и прочие «не»), а на то, что было реально сделано этим человеком, который действительно во многом был первым и, как всякий талантливый первопроходец, сумел проявить свои способности во многих областях. Своей уникальной интеллектуальной позицией, несводимой нацело ни к одному из популярных течений, он пробуждал в своих слушателях и современниках критическое мышление и исследовательский интерес. Нельзя согласиться с мнением, возникшим в XIX в. и воспроизводимым сегодня, согласно которому Грановский не высказал ни одной оригинальной мысли и лишь воспроизводил уже сказанное кем-то. Благодаря анализу, проделанному Герье и Чичериним, со всей очевидностью выступает тот факт, что взгляды Грановского не являются не содержащей в себе ничего оригинального калькой западных идей в сфере политики и науки. Напротив, его представления являются результатом глубокой рефлексии в отношении трудов западных коллег и их переосмысления в контексте современной Грановскому российской реальности. Что не могло не сыграть особой роли в формировании российской исторической науки и, как это ни парадоксально, именно русистики. Хочется вновь подчеркнуть тот факт, что история России читалась студентам и до Грановского, но именно из числа слушателей профессора всеобщей истории Грановского вышли будущие творцы русской государственной школы.

Характеристики, наблюдения, суждения о личности и деятельности Грановского, представленные в работах его учеников, о которых шла речь выше, являются существенным вкладом в создание целостного образа Грановского, который начинает оформляться в современной отечественной историографии.

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники

- Герье В.И.* Т.Н. Грановский в биографическом очерке А. Станкевича // «Вестник Европы». 1869. № 5. С. 424-440.
- Герье В.И.* Т.Н. Грановский: В память 100-летнего юбилея его рождения. М., 1914. 74 с.
- Грановский Т.Н.* Сочинения. Четвертое издание. М.1900. 659 с.
- Соловьев С.М.* Мои записки для детей моих, если можно и для других // Соловьев С.М. Избранные труды. Записки. М.: Изд-во Моск. Ун-та, 1983. 440 с.
- Чичерин Б.Н.* Несколько слов о философско-исторических воззрениях Грановского // Вопросы философии и психологии 1897. Кн. 36. С. 1-13.
- Чичерин Б.Н.* Воспоминания Бориса Николаевича Чичерина. Москва сороковых годов. М. 1929. 278 с.

Литература

- Виппер Р.* Общественно- исторические взгляды Грановского // Мир божий. 1905. Ноябрь.
- Гутнова Е.В., Асиновская С.А.* Грановский как историк // Грановский Т.Н. Лекции по истории средневековья. М., 1986. С. 336-362.
- Иванова Т.Н., Мягков Г.П.* Школа В.И. Герье: Основные черты и место в научном пространстве России // Диалог со временем. 2013. Вып. 44. С. 165-185.
- Курсанова Е.С.* Консервативный либерал в русской историографии. Жизнь и историческое мировоззрение В.И. Герье. Северск, 2003. 209 с.
- Курсанова Е.С.* Проблема сущности религии и философии и их значение для историка в осмыслении В.И. Герье // История идей и воспитание историей. Владимир Иванович Герье / Под ред. Л.П. Репиной. М.: ИВИ РАН, 2008. 352с. С. 287-298.
- Латтева Л.П.* В.И. Герье и его оценка современных университетов Германии // Диалог со временем. 2013. Вып. 43. С. 47–60.
- Левандовский А.А.* Время Грановского. М., 1990.
- Могильницкий Б.Г.* История исторической мысли XXвека: Курс лекций. Вып. III: Историографическая революция. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2008. –554 с.
- Мягков Г.П.* Всеобщая история Т.Н. Грановского: научные и идейные горизонты // Тимофей Николаевич Грановский. Идея всеобщей истории. Статьи. Тексты / Под ред. Л.П. Репиной. М.: ИВИ РАН, 2006. С. 29-42.
- Репина Л.П.* Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. – М.: Круг, 2011. – 560 с.
- Свейников А.В.* Миф о Грановском. Попытка дискурсивного анализа // Тимофей Николаевич Грановский. Идея всеобщей истории. Статьи. Тексты / Под ред. Л.П. Репиной. М.: ИВИ РАН, 2006. С. 69-81.

Курсанова Екатерина Семеновна, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных и социальных наук Северского технологического института (Филиал Национального исследовательского ядерного университета «МИФИ»); zavkir@mail.ru.